

УДК 316.752

DOI 10.23683/2227-8656.2018.6.13

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ
ПРИЧИНЫ
ВОЗНИКНОВЕНИЯ
КОРРУПЦИИ В РОССИИ**

**SOCIO-CULTURAL
CAUSES
OF CORRUPTION
IN RUSSIA**

Кутицкий Владимир Павлович

Аспирант, Институт социологии
и регионоведения,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: kuticki@rambler.ru

Vladimir P. Kutitsky

Postgraduate Student,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: kuticki@rambler.ru

В данной статье рассматриваются социокультурные причины возникновения коррупции в России. Сама коррупция представлена в качестве социокультурного явления. Это предполагает необходимость её оценки в более широком контексте, чем это принято в юриспруденции, где она по традиции изучается как порождение низкой правовой культуры и правового нигилизма. Отличительной особенностью предлагаемого подхода является то, что коррупция с точки зрения социокультурных оснований позиционируется как результат устойчивых социальных практик, которые находятся за пределами не только правовых, но и в широком смысле аксиологических координат. Коррупция представлена в виде адаптационного механизма, действия определенных социальных условий.

Ключевые слова: коррупция; социокультурные практики; причины; правовой нигилизм; низкая гражданская активность; гражданский диалог.

The article discusses the socio-cultural causes of corruption in Russia. Corruption itself is presented as a socio-cultural phenomenon. This implies the need to assess it in a broader context than is customary in jurisprudence, where it is traditionally studied as a product of low legal culture and legal nihilism. A distinctive feature of the proposed approach is that corruption in terms of socio-cultural grounds is positioned as a result of sustainable social practices that are beyond not only legal, but also in a broad sense of axiological coordinates. Corruption is presented in the form of an adaptation mechanism, the action of certain social conditions.

Keywords: corruption; socio-cultural practices; causes; legal nihilism; low civil activity; civil dialogue.

Введение

Обоснование актуальности проблематики изучения коррупции по сути своей излишне. Нет, вне всяких сомнений, изучать коррупцию

необходимо. Здесь следует реализовывать системный, многоаспектный подход, результатом которого стало бы понимание сущности этого явления, ширины его распространения, необходимых мер, применение которых позволит ему успешно противодействовать. Это актуально для всех государственно-организованных обществ, так как власть применяет коррупционные практики везде. Вопрос лишь в их объеме и детализации. Без изучения коррупции с данным явлением не справиться. Одними декларациями её не преодолеть. Почему же обоснование актуальности изучения коррупции мы продекларировали в качестве излишества? Дело в том, что всё написанное выше о коррупции в отношении России приобретает особый смысл. Масштабы коррупции в нашей стране таковы, что порой трудно разделить, где нормальная (нормативная) практика взаимодействия власти и общества, а где те действия, которые выпадают из легитимного пространства, начиная именоваться коррупционными. И есть великий соблазн в схематизме деклараций упустить подлинную суть, то, что реально называется коррупцией. Да, безусловно, анализировать это негативное явление необходимо. Но изучать его следует таким образом, чтобы полученное знание можно было использовать в виде реально действующего инструмента, способного противодействовать коррупционным практикам, ставить барьеры на пути их проникновения в легальное пространство социума. Чтобы норма и антинорма не смешивались и, наконец, чтобы был выход на практическое применение антикоррупционных механизмов. В этом качестве нам представляется крайне важным решение проблем, связанных с пониманием того, какой причинный комплекс лежит в основании возникновения коррупции. При этом, что особенно значимо, сами причины мы не будем рассматривать в отрыве от особенностей того социума, который сложился в России. Следовательно, речь идет о причинах, укоренных в некий неформальный порядок, образовавшийся в процессе длительной социокультурной интеракции. Подобное понимание причин нам представляется особенным важным. На него и будут направлены наши исследовательские усилия.

Коррупция как социокультурный феномен

Прежде всего, определимся с тем, что представляет собой коррупция в качестве социокультурного феномена. Статья 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» устанавливает, что коррупция представляет собой «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное не-

законное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами»¹.

Термин «коррупция» уходит своими корнями ещё в практику римского права. Он происходит от латинского эквивалента *concupere*, что на русский язык можно перевести как «ломать, крушить, подкупать, портить». Коррупцией в римском праве назывались противоправные действия в ходе судопроизводства, которые были основаны на заведомом нарушении установленного судебного правопорядка с точки зрения как процедурных норм, так и положений материального права.

Из представленного понимания коррупции видно, что оно является крайне широким по своему спектру. Это, безусловно, уголовное преступление. Однако его объективная сторона настолько многолика, что в разных странах приобретает характерные только для них, особенные, нетипичные для других формы проявления. Связано это с тем, что коррупция четко привязана к такому понятию, как «менталитет». Менталитет можно представить в качестве определенного мыслительного строя, набора устойчивых ценностей, норм, представлений, стереотипных форм, которые проявляются в виде реагирования на определенные социальные вызовы, сложные жизненные ситуации, социальные проблемы (Ковалев, 2009). Менталитет проявляется и фиксируется у единичных социальных акторов, но чаще всего его применяют к устойчивым и большим сообществам, например к этносам или крупным социальным стратам.

Менталитет формирует социокультурную среду для понимания многих социальных интеракций, устойчивых социальных действий, связанных с решением социальных задач. В этом контексте именно от ментальности зависит то, какие формы, масштаб, проявления примет коррупция. Коррупция укореняется в социальных нормах, если в основании нормотворчества лежит правовой нигилизм. Коррупция проникает в социальные ценности, если в сознании общества укореняется установка на то, что законными средствами нельзя добиться справедливости. Коррупция становится обычной практикой ролевого поведения, если в системе социальных ожиданий чиновник позиционируется

¹ Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Российская газета. 2008. 29 дек.

в виде субъекта, не желающего содействовать заявителю (просителю, истцу, ответчику, пострадавшему, жалобщику и т.п.) в достижении его законного права. Коррупция становится стереотипной формой поведения всех, когда о ней не думают как о коррупции, а рассматривают в качестве социальной модели, способствующей лучшему пониманию социальных акторов, вступивших в диалоговое взаимодействие в системе координат власть – общество (Ковалев, 2014. С. 81–90).

Иными словами, коррупция становится нормальной частью социума, когда мы рассматриваем ее в виде социокультурного феномена. Этот момент крайне важен для понимания её сущности. Данную социальную практику нельзя сводить исключительно к категории правовой. Она находится в сознании всех субъектов социальных отношений, и в таком качестве есть нечто большее, чем просто понятие из общей или особенной части уголовного права. Также очень важно видеть, что если в таком качестве коррупцию изъять из системы социального действия, на её месте образуется вакуум, что приведёт к разрушению устойчивого порядка, сложившегося исторически и успешно функционирующего здесь и сейчас. Даже с этой точки зрения коррупция отнюдь не может быть декриминализована, но очень важно понимать, что на место коррупционных практик следует инкорпорировать иные типы социального действия, которые станут не просто заменой, но достойной, способной решать социальные проблемы в рамках принятого и созданного легитимного пространства.

Такое понимание коррупции делает особенно важным изучение её причинного комплекса, социальных импульсов, выступающих источником возникновения коррупционных практик, к чему мы далее и обратимся.

Социокультурные причины коррупции

Мы рассмотрим несколько причин коррупции, тесно связанных, по нашему мнению, с социокультурными основаниями, – правовой нигилизм, отсутствие диалога между властью и обществом, низкую гражданскую активность населения, отсутствие транспарентности власти. Это причины социокультурные, и они, разумеется, не исчерпывают весь комплекс факторов, порождающих коррупционные практики.

Правовой нигилизм. Правовой нигилизм можно определить как убежденность в том, что юридические механизмы не играют существенной роли в регулировании социальных отношений, что в основе регулятивных механизмов лежат нелегитимные практики, принимающие самые разнообразные формы. Правовой нигилизм обуславливает-

ся низкой правовой культурой и проявляется в неразвитом правовом сознании (Ручко, 2007. С. 45–48).

Результатом правового нигилизма становится формирование стереотипов, ценностей, ролей, норм (антинорм), выступающих инструментами функционирования незаконных моделей социальной коммуникации в публично-правовой сфере: при реализации актов исполнительной власти, в процессе судопроизводства и даже на уровне принятия законодательства, когда принимаются такие нормативно-правовые акты, которые заведомо имеют дискриминационный для субъектов правоотношений характер. Правовой нигилизм деструктивен по своей природе. Он основан на убежденности в том, что закон либо не является высшей ценностью для участников правоотношений, либо проявляется в циничном его игнорировании из-за неразвитости гражданских ценностей и гражданской культуры (Демидов, 2002. С. 14–18).

Подобного рода представления являются благоприятной средой для развития коррупции. В условиях правового нигилизма коррупция представляется в качестве вполне уместного, а иногда и единственно возможного способа взаимодействия между чиновником и частным лицом на предмет решения как государственных, так и частных задач. Собственно, коррупция стирает разницу между государственным и частным, так как эта разница может быть видна лишь при уважительном отношении к праву, только которое и определяет нормативные пределы личных, общественных и публичных отношений. Правовой нигилизм декриминализирует коррупцию в общественном сознании, стирает разницу между поведением преступным и законопослушным, публично-правовым и частно-правовым, легитимным и противоправным.

Поскольку правовой нигилизм является корневым понятием российской ментальности, глубинным основанием правовой культуры российского социума, то преодоление коррупции, успешное противодействие ей не представляются возможными вне контекста борьбы с этим крайне отрицательным свойством правовой культуры российского общества.

Отсутствие диалога между властью и обществом. Диалог между властью и обществом не делает коррупцию невозможной, но позволяет использовать устойчивые коммуникации как средство борьбы с ней, что как минимум не позволяет коррупционным практикам глубоко укореняться в структуру социального сознания из-за отсутствия вседозволенности в поведении у коррупционеров. К сожалению, Российское государство не настроено на диалог с обществом. Надо заметить, что основные информационные потоки имеют четко выражен-

ную нисходящую направленность, так как государство в нашей стране преимущественно изолировано от социума. Точнее сказать, государство изолировалось от социума, находясь вне сферы его досягаемости. Не в последнюю очередь это обуславливается отсутствием политической сферы, поскольку она заменена прямым администрированием. Нет политической жизни, партийной борьбы, оппозиционной прессы, оппозиционных политиков, массовых политических движений, способных выступить в качестве несистемной оппозиции. Российская власть, по сути своей, находится по отношению к социуму в тепличных условиях. Он никак не в состоянии на нее повлиять. В этой ситуации коррупция имеет естественное происхождение. Политический капитал сращивается с экономическим и получает наименование государственного капитализма. Это и есть коррупция, как её ни называй, только в глобальных масштабах, когда власть начинает действовать и осуществлять какие-то проекты, только когда они отражаются в наличии персональной заинтересованности у высших чиновников. Между тем публичная политика, в том числе в экономической сфере, должна быть подчинена общественным интересам, т. е. находить заинтересованность у самых широких слоев общества (Ковалев, 2014. С. 79–88).

Преодоление и надежное противодействие коррупции станут возможными лишь в том случае, если власть будет находиться в активном режиме взаимодействия с общественностью.

Низкая гражданская активность населения. Данная причина находится в тесной связи с предыдущей. В то же время она может иметь и самостоятельное значение, поскольку имеет своё влияние на возникновение коррупции. Низкая гражданская активность населения порождает вседозволенность у власти. Отсутствие социальных протестов, гражданских организаций, даже в целом гражданского общества дает ложное ощущение, что в данном обществе и государстве всё обстоит благополучно. Обычно высокая гражданская активность, особенно протестного характера, служит индикатором зрелости гражданского общества. Такое гражданское общество вполне способно выработать в своей среде все необходимые социальные механизмы, направленные на преодоление коррупции. Однако эти механизмы будут действительны лишь в том случае, если гражданская активность не будет пресекаться государством, если она не будет объявляться противоправной, противозаконной, нелегитимной (Дятлов, 2015. С. 64–68).

С этой точки зрения противодействие коррупции может быть эффективным только в том случае, когда социум своей активной гражданской позицией может оказывать влияние на кадровую расстановку

в высших эшелонах власти, на соблюдение политической элитой правил игры, установленных на уровне законодательства.

Отсутствие транспарентности власти. Транспарентность предполагает открытость государственной власти. Ее важнейшими особенностями являются доступность, открытость, прозрачность, ясность и понятность той или иной деятельности органов государственного управления (итогов работы). Уникальным способом достижения вышеперечисленного является получение сведений, которые позволяют оценить уровень эффективности деятельности тем или иным способом. Условием результативности механизма транспарентности является соблюдение третьими лицами условий передачи сведений, а именно информация должна быть в первую очередь понятной, в доступной для осознания форме, своевременной, полной, полученной в течение ограниченного ее назначением времени, актуальной, достоверной, полученной от несущих ответственность за ее действительность. Простота и легкость получения гражданами страны интересующей их общественно значимой информации являются надежными индикаторами отсутствия развитой коррупции (Дятлов, 2014. С. 41–50).

Транспарентность, таким образом, выступает важнейшим механизмом преодоления коррупции. Можно пойти от обратного. Закрытость власти – важнейшее условие развития коррупционных практик. Когда власть находится вне сферы видимости, она начинает действовать в своих, а не общественных интересах.

Выводы

Коррупция по сути своей является не только юридическим, но и социокультурным феноменом. Она укореняется в социальных нормах, если в основании нормотворчества лежит правовой нигилизм, проникает в социальные ценности, если в сознании общества укореняется установка на то, что законными средствами нельзя добиться справедливости, становится обычной практикой ролевого поведения, если в системе социальных ожиданий превращается в стереотипную форму поведения и позиционируется в качестве нормы. Мы рассмотрели несколько причин коррупции, тесно связанных, по нашему мнению, с социокультурными основаниями, – правовой нигилизм, отсутствие диалога между властью и обществом, низкую гражданскую активность населения, отсутствие транспарентности власти. Это причины социокультурные, и они, разумеется, не исчерпывают весь комплекс факторов, порождающих коррупционные практики.

Литература

Демидов А.И. Политический радикализм как источник нигилизма // Государство и право. 2002. № 4.

Дятлов А.В., Гурба В.Н. Социальные ресурсы России как источник самодостаточного развития // Гуманитарий Юга России. 2014. № 1.

Дятлов А.В., Сажин П.В. Гражданское общество // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 3-1.

Ковалев В.В. Аксиологические стереотипы как фактор устойчивости российского общества : дис. ... д-ра социол. наук. Ростов н/Д., 2009.

Ковалев В.В. Диалог между властью и обществом (компаративный анализ) // Социальная политика и социология. 2014. Т. 2, № 3.

Ковалев В.В., Сажина Л.В., Иванова Н.Б. Любовь к видеорегистраторам в России: социокультурные особенности менталитета или защита от коррупции дорожной полиции? // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 1.

Ручко С. Зарницы нигилизма // Топос. 2007. № 4, ч. 2.

Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Российская газета. 2008. 29 дек.

References

Demidov, A.I. (2002). Political radicalism as a source of nihilism. *Gosudarstvo i pravo*, 4. (in Russian).

Dyatlov, A.V., Gurba, V.N. (2014). Social resources of Russia as a source of self-sufficient development. *Gumanitarniy Yuga Rossii*, 1. (in Russian).

Dyatlov, A.V., Sazhin, P.V. (2015). Civil society. *Gumanitarnie, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 3-1. (in Russian).

Kovalev, V.V. (2009). Axiological stereotypes as a factor of stability of the Russian society. (Doctoral Dissertation, Rostov-on-Don).

Kovalev, V.V. (2014). Dialogue between the government and society (comparative analysis). *Sotsialnaya politika i sotsiologiya*, 2, 3. (in Russian).

Kovalev, V.V., Sazhina, L.V., Ivanova, N.B. (2014). Love to video recorders in Russia: sociocultural features of mentality or protection from corruption of traffic police? *Vestnik Permskogo Universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*, 1. (in Russian).

Ruchko, S. (2007). Zarnitsy nihilism. *Topos*, 4, 2. (in Russian).

Federal Law of December 25, 2008 No 273-FZ "On combating corruption". *Rossiyskaya gazeta*. 2008. December 29.

Поступила в редакцию

19 ноября 2018 г.